

Евгений Ткаченко

ЖИЗНЬ И О ЖИЗНИ

Откровения простой лягушки

Евгений Ткаченко

**Жизнь и о жизни.
Откровения простой лягушки**

«Издательские решения»

Ткаченко Е.

Жизнь и о жизни. Откровения простой лягушки / Е. Ткаченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852647-3

Изначально не хотелось писать о прошлом в виде мемуаров, не только из-за сложившегося предвзятого отношения к ним, но еще и по той причине, что многое я уже о советском времени вспомнил и описал в коротких рассказах. Мне казалось, что я поставил точку на том времени. Однако, после того, как я полистал мемуары академика Раушенбаха «Постскриптум», в которых увидел удивительную степень искренности и исповедальности, до меня дошло, что писать нужно и писать именно так.

ISBN 978-5-44-852647-3

© Ткаченко Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Родители. Детство	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Жизнь и о жизни Откровения простой лягушки

Евгений Ткаченко

© Евгений Ткаченко, 2017

ISBN 978-5-4485-2647-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Зато, как видите, засел за книгу,
чтобы вспомнить всю свою жизнь, написать о ней, как и полагается на склоне
лет каждому грамотному человеку.
Академик Раушенбах
«Знание прошлого – это понимание современности».
Дмитрий Лихачев*

От автора

Именно эта фраза из книги академика Раушенбаха «Постскриптум», вынесенная в эпиграф, и подвигла меня писать воспоминания в стиле мемуаров. Я как раз на склоне лет и считаю себя достаточно грамотным. Сосуд моей души постепенно наполнялся капельками неправды из средств массовой информации о прожитом мной времени. Я это терпел думая, что время и власть всегда трансформируют историю под себя. Вмешивайся в этот процесс или не вмешивайся, а все равно все исказят, порой с точностью до наоборот. Большинство из нас очень хорошо помнят ельцинское время и знают, как оно представлено в Ельцин центре, именно с точностью до наоборот, несмотря на возмущение населения страны и такого известного человека как Никита Михалков.

Даже профессиональным историкам верить безоглядно нельзя. Например, общепринятая версия, что государство российское было создано скандинавскими князьями, уж очень сомнительна. Известный историк Дмитрий Иловайский достаточно убедительно это доказывает в своей книге «Начало Руси». Книжки же по истории России для домашнего чтения, изданные, например, в начале этого века читать вообще забавно. Напечатаны они тринадцать лет спустя после капиталистического переворота, а там по полной программе присутствуют все мифы о России придуманные коммунистами. Читая эти книжки, не сомневаешься, что СССР крепнет и процветает, и совсем непонятно как это он сам по себе развалился.

Думаю, что в немалой степени развалился от невероятного количества нагроможденной неправды. Болезненная тема для всех питерцев – блокада. Говорится о ней всегда в единственном числе. Но ведь было две блокады. Первая – дело рук коммунистов. Эта блокада была организована с конца 1917 года по август 1921 года, когда Совнарком РСФСР принял «Наказ о проведении в жизнь начал новой экономической политики». За этот период население северной столицы сократилось более чем в три раза: с 2,4 млн. до 722 тысяч к концу 1920 года. Вот что пишет об этом периоде истории Петербурга Сергей Ачильдиев в книге «Постижение Петербурга»: «Внешнее кольцо этой блокады составляли заградительные отряды, которые арестовывали всех крестьян, пытающихся привезти в Питер картофель, овощи, муку, хлеб, молоко для продажи или натурального обмена. Коммунисты объявили «мешочников» и «спекулянтов» вне закона, и облавы на них велись повсюду – не только при подъезде к городу, но и на маленьких станциях, в вагонах, на вокзалах, городских рынках... Ещё до официального открытия «красного террора», в мае 1918 года, ВЧК и ревтрибуналам было предоставлено право выносить смертные приговоры тем, кто отказался сдавать хлеб продотрядам.

Не менее страшно было и внутреннее кольцо, в котором оказался почти каждый петроградец: постоянные обыски, реквизиции любых мало-мальски ценных вещей (вплоть до мебели обивки), незаконные аресты и, конечно же, голодомор.

Уже в конце мая 1918 года Петросовет принял постановление о классовом пайке. Отныне все жители города разделялись на четыре категории. Рабочим полагалось по ½ фунта хлеба в сутки, служащим – ¼ фунта; «лицам не рабочим и не служащим, живущим своим трудом» – ⅛ фунта, и, наконец, «нетрудовым элементам» – 1/16 (напомню: фунт – 409 граммов)...

Москва боялась Петербурга, не принявшего революции. Ленин писал в то время председателю Петросовета Зиновьеву: «... Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает. Привет! Ленин».

«Мы... вошли в зиму без дров... Чем мы топили? Я сжег свою мебель, скульптурный станок, книжные полки и книги, книги без числа и меры...

Один друг мой топил только книгами. Жена его сидела около дымной железной печурки и совала, совала в нее журнал за журналом. В других местах горели мебель, двери из чужих

квартир. Это был праздник всежжения. Разбирали и жгли деревянные дома. Большие дома пожирали маленькие....

У мужчин была почти полная импотенция, а у женщин исчезли месячные.

...Умирали просто и часто.... Умрет человек, его нужно хоронить. Стужа студит улицу. Берут санки, зовут знакомого или родственника, достают гроб, можно напрокат, тащат на кладбище. Видели и так: тащит мужчина, дети маленькие-маленькие подталкивают и плачут...». Можно подумать, что описана всем известная блокада Ленинграда, однако нет, это записки Виктора Шкловского, написанные в Петербурге в 1920 году. Вспоминать об этой первой блокаде не принято до сих пор.

В общем Д.С.Лихачев считал, на мой взгляд, абсолютно правильно, что понять современность без знания прошлого невозможно. Здесь не лишним будет добавить, что прошлое надо знать в не искривленном виде, иначе современность уж точно понять будет невозможно.

А теперь о каплях, которые последние годы наполняли сосуд моей души. Сел как-то чистить яблоки на варенье и включил радио. К питерскому радио я отношусь с уважением. Качественных передач на нем больше чем на всех программах телевидения за исключением, конечно, Культуры и Спаса. Поэтому включаю его, особенно когда дома один, и когда о нем вспомню. Тут как раз вдруг вспомнил и включил.

Свои мемуары читала известный режиссер Алла Ильинична Сурикова. Напомню читателю, что она режиссер известного фильма «Человек с бульвара Капуцинов». Читала хорошо и воспоминания хорошие, заслушался. Вот только осадок в душе остался, как и после всех прочитанных мной мемуаров известных артистов, политиков и вообще культурных деятелей. Есть в них два момента, бросающихся в глаза сразу же при чтении или прослушивании, заставляющие этот осадок выпадать. Построены мемуары практически все на встречах или контактах со знаменитыми личностями. Это конечно не худо и даже многим интересно как выглядели и вели себя известные всей стране люди в быту. Но получается так, что автор как бы слегка, а порой и не слегка рисуется. А второй это то, что мемуары эти никак не отражают объективной жизни основной массы населения страны в описываемое автором время. Многим хочется прочувствовать и понять чем жил тогда народ. Так вот из этих мемуаров понять это совершенно невозможно. Также это невозможно понять из телевизионных передач, например в программе Соловьева, где довольно часто возрастные известные всей стране люди вспоминают советское прошлое. К сожалению, все они невольно врут, пытаются говорить от имени народа, поскольку уже тогда находились на большой дистанции от населения страны в узких прослойках, журналистских, артистических или властных, при этом практически все были коммунистами. Понятно, что их восприятие советской действительности было совсем не под тем углом, под которым ее воспринимала основная масса населения, которая была беспартийной. Пишут они и книги, а молодежь читает их, не подозревая, сколько же в этих книгах невольной неправды и передергивания фактов.

Так, например, умный человек и талантливый писатель Александр Проханов, придя на старости лет к православию, все пытается примирить его с коммунистами. Никак до него, такого умного, не может прийти, что примирить палача с жертвой невозможно. Жертва может искренне простить насильника «Не ведает, что творит!» А примириться – это вряд ли. Ну а что там плетет Зюганов лучше вообще не слушать. Этот бессовестный человек до сих пор существует и даже процветает на давно обанкротившейся идеологии. Сегодня Зюганов точно также как и при советской власти продолжает работать хамелеоном, с выгодой для себя быстро перекрашивающегося под постоянно меняющуюся политику. В советские времена он дурил народ страны, колеблясь вместе с курсом партии, а сегодня рассказывает сказки о гениальности Ленина со Сталиным и про чудесную жизнь в СССР, не забывая при этом в основном соглашаться с курсом правящей элиты. И уж очень забавна его внешне страстная поддержка православия. Очевидно, что оно сегодня представляет собой реальную силу, а Зюганов, понятно,

силу уважает. Как то трудно себе представить коммунистов, неожиданно полюбивших православие, с которым они не только боролись как с идеологическим противником, но и уничтожили физически десятки тысяч священников и верующих. Между делом, как бы по пути к объявленному светлому будущему умудрились коммунисты порушить почти всю красоту на нашей земле, созданную талантом русского народа, храмы, дворцы, монастыри, дворянские усадьбы, иконы, памятники. Взамен же никакой красоты сотворить не смогли. Истинно почти девяносто лет хозяйничали на нашей земле разрушители, а не созидатели. Девяносто потому, что в ельцинское время я думаю, продолжали хозяйничать в стране именно они, коммунисты.

Даже либеральная молодежь, пришедшая к власти в 90-х, внешне дистанцируясь от коммунистов, вела себя по отношению к населению страны чисто по коммунистически. Также как и в 1917 их союзниками по перестройке государства стали воры, бандиты и киллеры. Ненужными государству опять оказались: наука, техника, культура и, понятно носители ее, то есть люди обремененные культурой и интеллектом. Только в этот раз их не расстреливали и не ссылали в концлагеря, а просто, закрыв заводы, фабрики, проектные и научные институты выставили на улицу, выживайте мол, как хотите. Именно тогда Чубайс сказал, что если вымрет этак миллионов тридцать населения, то для государства это не потеря, а очищение, потому как они просто не вписались в рынок. А один из толстосумов как-то прокомментировал унижительно низкую зарплату академика Д.С.Лихачева, что, мол, все правильно, у нас рынок, и это именно он говорит о том, что такие люди не востребованы, стране они не нужны.

Неправда о советском времени, вольная и невольная, заполонившая интернет и средства массовой информации постоянно царапала мне душу. Довела до того, что у меня все больше и больше нарастало желание поделиться своей памятью о том времени, своей неправдой. Хотя изначально делать этого не хотел, думая, что кто же меня услышит, если я не отношусь к известным в стране личностям? Не вытерпел, когда в интернете стало появляться все больше и больше статей прославляющих советское время. А ведь я жил с ним лицом к лицу целых 44 года и видел много того о чем почему-то не говорят и писать не желают, возможно просто не знают, а те кто знает, молчат. Потом вдруг покатилась очередная волна оскорблений и откровенных глупостей в адрес А.И.Солженицина, где он представлялся и врагом России, и лжецом, и даже главным либералом. Тут мне отчаянно, захотелось возразить, защитить Александра Исаевича. Я понял, что молчать нельзя, надо занимать свою гражданскую позицию и на откровенную ложь отвечать. Только не знал, в какой форме это делать. Слава Богу, Раушенбах подсказал.

Изначально не хотелось писать о прошлом в виде мемуаров, не только из-за сложившегося предвзятого отношения к ним, но еще и по той причине, что многое я уже о советском времени вспомнил и описал в коротких рассказах. Мне казалось, что я поставил точку на том времени. Однако после того как я полистал мемуары академика Раушенбаха «Постскрипtum», в которых увидел удивительную степень искренности и исповедальности, до меня дошло, что писать нужно и писать именно так. Это совсем другая литература, сродни роману, что ли. Неспешно развивающийся сюжет охватывающий целую жизнь человека. Сказать можно еще о многом в развитие тех фрагментов из моей жизни, которые уже освещены в рассказах. И потом, думаю, что последовательная, а не лоскутная подача того времени поможет читателю понять и воспринять его объективнее.

Дорогой читатель, я познакомил вас с той мотивацией, которая подвигла меня на написание этой книги. А теперь хотел бы, чтобы не было сильных разочарований, обозначить ту категорию людей, которым может быть книгу эту читать не стоит, чтобы не травмировать свою психику. Думаю, что к этой категории можно отнести тех, кто делал карьеру на чиновничьем поприще. Те из них, кто имеет здравое мышление, думаю, про себя прекрасно понимают, что значимость их деятельности сильно преувеличена, причем ими самими, поскольку законы они писали для себя, а не для благополучия государства и народов России. На эту тему можно

говорить много, а можно просто еще раз посмотреть на результаты деятельности власти во времена Брежнева, Горбачева, Гайдара и Ельцина. Их работу можно оценить как вредоносную для государства и как издевательство над народами России. И вы, если были чиновником, то вольно или невольно в этом безобразии участвовали.

Родители. Детство

Итак, начну с момента своего рождения. Это событие произошло в мае 1947 года в рабочем поселке Невдубстрой, расположенном на самом берегу Невы в сорока километрах от Ленинграда и восьми километрах от Ладоги.

Родители мои: отец, Ткаченко Анатолий Иванович – украинец из Днепропетровской области за два года перед моим рождением выпущенный из советского концлагеря, который как раз и находился в поселке Невдубстрой. Привезли его туда осенью 1944 года, поскольку был военнопленным в концлагере немецком. При подходе наших от немцев бежал, добыл оружие и хотел воевать, не поверили.

Мать – Емельянова Мария Кузьминична – уроженка деревни Сологубовка, что находилась всего в 25 километрах от Невдубстроя. Она была младшим седьмым ребенком в семье сапожника Кузьмы Емельянова. Весной 1942 года Мария была интернирована в Германию. Работала служанкой в доме офицера, воевавшего на восточном фронте. Брата хозяйки, инвалида войны, за попытку ее изнасиловать ударила кухонным ножом в шею. За что была отправлена сначала на психическое медицинское обследование, а потом в лагерь смерти Дахау. Пробыла там полгода и чудесным образом была вывезена из него немецким предпринимателем, поставляющим в лагерь корнеплоды. До конца войны находилась в Мюнхенском женском монастыре. Вернулась на родину в конце 1945 года. Неоднократно вызывалась в Желтый дом на допросы, в основном на опознание надсмотрщиков концлагеря Дахау. Нервная система ее не выдержала, начались истерики, и ее оставили в покое. Лечить нервы отправили на полгода на лесоповал. Мать как-то рассказала, что возвращалась из Германии вместе с группой русских девушек, и наших солдат они боялись больше, чем немцев.

Понятно, что после войны в стране был сильный дефицит мужчин, и те, что еще оставались, находились в армии, в концлагерях и на стройках, а женщины в деревнях и поселках. В Невдубстрое с конца 1944 года был: и концлагерь, и большая стройка. В общем, собралось там обилие молодых мужчин привезенных на восстановление разрушенной войной электростанции 8-й ГРЭС.

Конечно, молодые женщины разными способами пытались попасть в этот чудесный поселок Невдубстрой. Не была исключением и моя будущая мать. Под предлогом навестить родную старшую сестру Агафью, работающую кастеляншей в мужском общежитии, она часто приезжала в поселок.

Дефицит молодых женщин в нем приводил к тому, что за каждую боролось сразу несколько мужчин, не задумываясь о любви, о том подходит ли она ему для совместной жизни, главное победить. Мужчины были слишком сексуально озабочены, а женщины перезрели, поэтому пары возникали быстро без долгих ухаживаний.

Мария и Анатолий. Я под маминой рукой

Результат я наблюдаю всю свою жизнь, и назвать хорошим его никак нельзя. В поле моего зрения не оказалось ни одной здоровой семьи, скрепленной настоящей любовью родителей друг к другу, не была исключением и моя семья. Не подумайте худого, это не поклеп на поколение отцов. Мои попытки разобраться в этой несимпатичной закономерности привели к пониманию того, что причинами являются страшная война и неоправданно жесткое отношение власти к населению страны. Я пишу уверенно, поскольку наблюдал в реальной жизни более полувека свою семью и семьи многих своих приятелей. Невольно отследил кроме этого судьбы детей из этих семей и даже детей этих детей. Результат удручает и заставляет о многом задуматься. Конечно, в детстве мы ничего плохого в наших жизнях не замечали. Понимание пришло, когда душа отяготилась опытом жизни и интеллектом.

Вернемся к моему рождению. Отец был очень рад, и в день, когда меня принесли из роддома, пригласил в общежитие своих приятелей отпраздновать мое рождение. Выставили они, несмотря на протесты, мать за дверь, смочили мои губы водкой и сунули в рот папиросу, отец тогда курил. Налили и выпили за то, чтобы мальчишка вырос настоящим мужчиной, и только потом впустили мать в комнату к протестующему ребенку. Такие были тогда нравы, да и юмор был такой, что сегодняшнее поколение вряд ли его воспримет. Однако для ощущения атмосферы бытия того времени, пример привести стоит.

Неизменной популярностью пользовалась шутка в исполнении юморного парня Миши Киселева, одного из тогдашних приятелей отца.

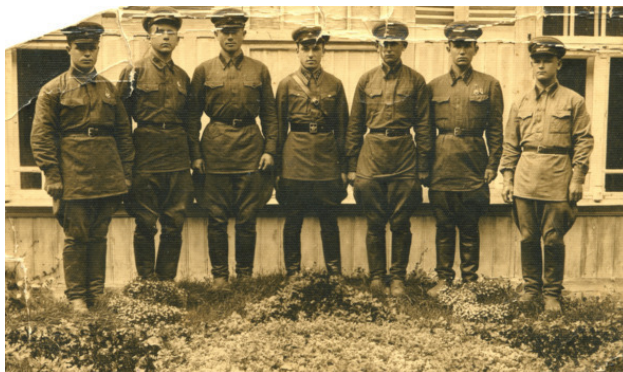
Сидит Миша в компании, вдруг закатывает глаза и начинает яростно чесаться, приговаривая:

– У всех вши как вши, а у меня как ящерицы.

После войны и разрухи, такой юмор был всем понятен, актуален и вызывал искренний смех.

Долгое время для меня было загадкой, почему я родился в мае, а родители зарегистрировали свои отношения только осенью. Уже совсем старым, отец признался, что целых полгода не мог принять решения, поскольку пожив несколько месяцев с моей мамой понял, какую

ошибку совершил, расписался потому, что мечтал иметь сына, а за эти полгода полюбил меня младенца. В августе 1947 года отец поехал в отпуск на родину и взял с собой и невесту со мной, малышом. Не был он там с весны 1940 года, когда его призвали в армию. Начал службу под Ленинградом, в поселке Лебяжье, но почти сразу был отправлен в Латвию, по договору строил береговые укрепления. В плен попал на острове Эзель с аэродрома которого наши бомбардировщики бомбили Берлин в 1941 году.

Латвия 1940 год. Отец третий слева

Понятно, что описать встречу я не могу, но по обрывочным воспоминаниям родни знаю, что мать моя ко двору не пришлась и была забракована как матерью отца, так и его сестрами. Отец в силу своей молодой самоуверенности, которая имеет место быть у всех молодых людей до определенного возраста, не послушался мать. На закате жизни он рассказал мне, о своей тогдашней уверенности в том, что живя рядом с ним, мать обязательно подтянется интеллектуально, и о том какое в результате фиаско потерпел. Хорошо учась, он, конечно, усвоил установку коммунистов, что бытие определяет сознание. То, что у женщины сознание формируется в семье и изменить его невозможно, а можно только добавить знания, да и то при условии, что для сознания – это ценность. В дальнейшем выяснилось, что не только для сознания матери знания и культура ценностью не являлись, но и для всего ее рода Емельяновых.

Я пошел в отца. Хорошо и много учился. Мать восприняла меня с младенчества как что-то для себя чуждое, непонятное, неродное и невзлюбила меня. Я не только не помню, чтобы она хоть раз приласкала меня, но не было никогда с ее стороны даже доброжелательного отношения ко мне. Мало того, что маленькому она мне систематически выкручивала уши и била подзатыльники, но и когда я подрос, постоянно настраивала против меня свою многочисленную родню, распространяя среди них криминальные небылицы обо мне. На удивление они ей верили, вызывали меня во двор, или за дверь. А там клеймили и песочили. Я каждый раз отчаянно обижался, не понимая о чем речь, пытался что-то объяснить, оправдаться, но меня не хотели слушать и мне не верили. Забавно, что до сих пор встречаясь с абсурдной ситуацией, я теряюсь и не знаю что предпринять. Есть такой чудный фильм Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». Так вот я оказался вроде как своим, но и чужим не только для матери и ее родни, но и для родни отца. Интересно, что сегодня к матери у меня двоякое отношение. Как это ни странно, но я в какой-то степени благодарен ей за нелюбовь и постоянную агрессию. Это нарастило мне толстую кожу, благодаря которой я не очень-то сильно переживал в детстве за свою дискриминацию и несправедливости, как со стороны родственников матери, так и отца. Во взрослой жизни я тоже оказался терпимым и терпеливым. И все же это ненормально и лучше бы меня мама любила. Сегодня я очень хорошо понимаю, что только с помощью любви можно вырастить духовно и нравственно здорового человека.

Сколько написано чудесных песен о мамах, а ведь я к ним равнодушен, не трогают они меня, душа на них не отзывается. Давно понял, насколько я ущербен в своем мировосприятии,

некоммуникабелен и по жизни, возможно, неоправданно сух и деловит. Спасает, наверное, только то, что получил от Бога при рождении и то, что уже в детстве нахлебавшись несправедливостей в свой адрес, отказался плодить их.

Они, мои родители, абсолютно не подходили друг другу, и у них всю жизнь не было тем для общения. Сказывалась не только пропасть в интеллекте, но и в природном уме. Отец имел хорошее образование, до войны окончил техникум по механизации, был круглым отличником. В 1939 году, как лучший студент техникума участвовал в открытии сельскохозяйственной выставки на ВДНХ в Москве. Мать же начала свое обучение в сельской начальной школе, но даже ее не закончила, с трудом писала и читала. Уровень ее некомпетентности меня поражал. Ориентировалась она только в магазинах, продуктах питания и кухне. Мать ничего не могла рассказать о прошлом. В ее голове не было его в естественной хронологической последовательности. Иногда, очень редко, она что-то вспоминала в виде, каких-то лоскутков, но не могла вспомнить, к какому одеялу они относятся. Время от времени я пытался что-то узнать от нее о Германии, все-таки прожила она там больше трех лет. Мать старалась, но не только не могла вспомнить ничего связного, но вдруг начинала рассказывать о жизни в деревне Сологубовке, или о чем-то совсем непонятном. Отец попросил меня не мучить ее, а задавать вопросы ему. Оказывается, слушая в течение жизни жену, он эти как бы несвязные отрывки ее воспоминаний хронологически систематизировал. Поэтому все знания о жизни матери, до появления меня на белый свет, я знаю от отца.

Сначала я думал, что это следствие ее пребывания в Германии и концлагере Дахау, но потом увидел эту особенность, выраженную в большей или меньшей степени, у всей ее родни. Удивляло, что женщинам из ее рода понятные и близкие только те мужчины, которые запоями пьют, меняют жен, бросают детей. Непьющих, порядочных мужчин они не могут понять, относятся к ним настороженно, с подозрением. Брат мой пошел в этот род, не учился, всю жизнь пьет, без семьи, но детей наплодил. Кстати дети его повторяют судьбу отца. Для матери и ее родственников он свой, любимый и понятный. Позже осознал, что все связано с их очень низким уровнем интеллекта. Рядом с трезвыми и порядочными людьми они ощущают себя униженными, теряются, не знают как себя вести и именно за это их не любят. Уровень развития этих женщин такой, что утвердиться они могут только рядом с падшим мужчиной.

Интересно, что аналогичные отношения между мужем и женой я наблюдал и в некоторых семьях моих приятелей. Так мой дворовый друг жил в соседнем доме в трехкомнатной квартире с родителями и двумя младшими сестрами. Отец его работал начальником механического цеха. По пятницам он регулярно крепко выпивал и когда появлялся дома, то жена в комнаты его не пускала, спал он в прихожей на полу. Сын в результате вырос неуверенным в себе человеком, а у дочерей семьи не получились, всю жизнь гуляли и пьянствовали. В общем если в таком важнейшем вопросе как создание семьи мы предаем традиции, как правило, не возникает духовного единения между мужем и женой, и в результате ничего хорошего ни для семьи, ни для потомства, ни для государства не получается.

Зачем я все это пишу? Да потому, что разруха в семьях, падение духовности и нравственности в людях – это, безусловно, в первую очередь следствие коммунистического переворота в 1917 году, отказа от национальных традиций, православия, от формулы, по которой столетиями жили семьи в России Бог-отец-мать-дети. Понятно, что война еще больше упростила, исказила понимание семьи и где-то обострила отношения в семьях, что мне пришлось наблюдать и даже испытать на собственной шкуре. Безусловно, этот мой опыт имел и положительные стороны. Главное я воочию видел беспредельную терпимость людей поколения отцов по отношению друг к другу и демонстрацию того, что все мы зависим отчего-то общего и оно выше и важнее индивидуального. Вот в этом последнем качестве, как мне кажется, и сокрыта сила русских. Именно его либералы в 90-е годы подорвали в нашем народе и этим сильно ослабили нас. Мы как-то забыли свою природную общинность и стали прятаться друг от друга

за высокими заборами. А может это явление временное и пройдет? Его можно представить как запоздалый протест населения на насильственное коммунистическое кучкование людей; митингами, демонстрациями, собраниями, коммунальными квартирами?

Так вот родители мои все же расписались. Сейчас вижу, насколько судьба была ко мне благосклонна, ведь я оказался в отца, фамилия моя естественная и с отцом я всю жизнь был рядом.

Год моего рождения оказался очень важным в жизни отца еще и потому, что в этом году был он назначен начальником кислородного цеха и стал главным специалистом по пуску кислородных станций на Северо-Западе.

Это было удивительное время самого мощного развития промышленности страны за ее историю. Процент ежегодного экономического прироста в 1947—53 годах доходил до 16%. Именно в этом году Сталин сделал ставку на специалистов, профессионалов. Заработные платы и положение в обществе у них стало в одночасье значительно выше, чем у чиновников и партийных функционеров, это собственно и предопределило более чем десятилетний резкий подъем экономики страны. В 1947 году зарплата профессора, доктора наук повышается с 1600 до 5000 рублей, доцента, кандидата наук – с 1200 до 3200 рублей. В научно-исследовательских институтах ученая степень кандидата наук стала добавлять к должностному окладу 1000 рублей, а доктора наук – 2500 рублей. В это же время зарплата союзного министра составляла 5000 рублей, а секретаря райкома партии – 1500 рублей.

Хорошее техническое образование и аналитический ум помогли отцу за два года из заключенного лагеря стать достаточно крупным начальником. В 1945 году ему удалось без наличия технической документации разобраться в конструкции американских установок для получения кислорода из воздуха и запустить их в работу.

К сожалению, этот подъем осуществлялся в основном за счет сельского хозяйства. Жители села владели тогда жалкое нищенское существование. Я могу это засвидетельствовать, поскольку все видел собственными глазами. В течение первых пятнадцати лет своей жизни я практически каждый год ездил в степную Украину на родину отца в село Новомарьевка, где проживали хлеборобы. Родной младший брат отца работал трактористом. Обычно мы были там в августе, шел сбор урожая и дядю я почти не видел. В выходные они тоже работали. Денег колхозникам почти не платили, старались рассчитаться натуральным продуктом, арбузы, зерно, подсолнечник, жмых собственно то, что и так у них росло на приусадебных участках. Один трудодень, в начале 50-х годов приносил колхознику примерно один рубль – это меньше ста граммов сахара на рынке тех лет. Среднему советскому колхознику для того, чтобы купить себе хотя бы самый дешёвый костюм, в те годы нужно было работать почти целый год! Средняя пенсия колхозника составляла 12 рублей в месяц, в то время как килограмм черного хлеба стоил в магазинах 3 рубля. Моя бабушка, вырастившая семерых детей и работавшая в колхозе, имела пенсию именно такую – 12 рублей. Почему так часто мы туда ездили? Да потому, что братья поддерживали друг друга. У отца были деньги, а дяди Миши натуральный качественный продукт. В случае необходимости, перед тем как ехать отец закупал нужные для хозяйства брата промышленные товары шифер, жёсть и отправлял по железной дороге малой скоростью. Электричества там, в 50-х годах тоже не было и помню отец, желая сделать брату приятное, достал где-то дефицитный радиоприемник на батареях. Он был громадный и тяжелый, но отец его до Украины дотащил. Дядя Миша был счастлив. Устанавливая антенну и отлаживая приемник, провозились они целый день. Зато потом слушать это чудо каждый вечер приходили соседи.

И, конечно, важное обстоятельство – тянуло тогда отца на родину. Был он страстным охотником и мотивировал свои ежегодные поездки желанием поохотиться вместе с братом.

В 1946—1948 годах в стране был голод, погибло порядка миллиона человек. Его вполне можно было избежать, но Сталин готовился к войне с Западом и копил зерно. На военных

складах оно было. Моя семья легко перенесла это тяжелое время. Отец охотился и ловил рыбу, а муку и сухофрукты нам присылали с Украины. В дальнейшем, чтобы обезопасить себя, мы взяли огород в две сотки и в течение целых двадцати лет, пока не получили садоводство, сажали на нем картошку. Каждый год мы на зиму заготавливали 8—10 мешков картошки, квасили капусту и засаливали не менее ведра грибов. В нашем промышленном городке я не знаю ни одной семьи, которая бы индивидуально не решала вопросы продовольственной безопасности. В дальнейшем мотаясь по командировкам, я увидел, что так было по всей стране. Наголодавшись в 20-е, 30-е, 50-е годы и в войну население государства перестало доверять в этом важном вопросе власти. А еще – все очень хорошо знали реальное положение дел в сельском хозяйстве.

Так вот, отец в 1947 году не только стал начальником цеха, но и получил двухкомнатную микро квартирку в бараке. Жил я в нем до четырех лет и именно несколько событий случившихся там являются началом моей памяти об этой земной жизни. Первый запомнившийся момент связан с целлулоидной уточкой, которую я поставил на плитку, а она вспыхнула как порох, сильно напугав меня. К счастью я не пострадал. Второй эпизод с моим падением с кровати, но этого я не запомнил. Не помню, как раскачался на ней, как кровать перевернулась, и я разбил голову о железную печку. Зато хорошо помню, как отец носил меня на руках в больницу. Это повторялось несколько раз, и было мне очень приятно. Травма, должно быть, была серьезная, раз отец носил меня на руках на перевязки в больницу. Как упал, что делали со мной в больнице, не помню. Помню только, как ожидал отца с работы и это счастье длительного пребывания на его руках.

Когда мне исполнилось четыре года, мы переехали в двухкомнатную квартиру только что построенного элитного восьми квартирного дома. Я был очень этому рад, видно, поэтому запомнил первый момент пребывания в ней. Квартира казалась громадной, а звуки в ней отдавались эхом, как в зале. Было и горе. Пропали при переезде мои большие белые пуговицы, с которыми я играл. Отец, наверное, чтобы успокоить меня, уж не знаю, где достал, но однажды пришел с работы и начал на полу передо мной разворачивать большой куль. В нем оказался немецкий строительный конструктор из настоящих гладеньких, холодных и тяжелых каменных цветных деталей. Действительно про пуговицы я тут же забыл, а конструктор этот успокоил меня лет на семь.

С дошкольным временем связаны два эпизода моей жизни хорошо запомнившиеся. Бегаю во дворе с друзьями, вдруг мир начал наполняться тоскливыми душераздирающими звуками выло, гудело, все; электростанция, завод, паровозы, автомобили. Мы замерли, дыхание от страха перехватило, а это тоскливое гудение все не кончается. Взрослые стоят как вкопанные, мужчины сняли шапки. Шагах в пяти от меня застыл седой дядька, на щеках слезы, он бормочет: «Как теперь будем жить? Как теперь будем жить?». Наконец гудение закончилось и нам объяснили, что в стране большое горе, умер Сталин. Моя детская память зафиксировала и еще один эпизод, связанный со смертью Сталина. Конечно, я был мал, у меня была своя детская жизнь, и важности этого события я не понимал, но почему-то запомнил, как собралась в нашем дворе большая компания мальчишек. А были среди них совсем большие, наверное, школьники 3—4 классов, и один из них сказал: «Пацаны, а учителька нам говорила, что Сталин никогда не умрет. Врачи не дадут».

Второй эпизод забавный и хорошо запомнился должно быть потому, что я испытал и дикий восторг и разочарование почти одновременно. Восторг был от того, что папа и мама пошли на каток кататься на коньках и взяли с собой меня. Городской каток находился прямо напротив нашего дома, там каждый вечер светили прожектора, и играла музыка. Свитера, коньки, а мама еще и специальную спортивную юбку, родители одели прямо дома. Чтобы попасть на каток нужно было всего лишь перейти дорогу и метров сто пройти по заснеженной тропинке на стадионе. Как только они выехали на лед, к моему разочарованию мама тут же

шлепнулась и никак не могла встать. Я крутился рядом, но помочь, понятно не мог. Папа подъехал, взял маму под мышки и рывком поставил ее на ноги, порванная юбка осталась на льду. Поднимая маму, папа наехал на юбку коньком. Мы развернулись и пошли домой. Я так расстроился, что всю дорогу плакал, а папа меня успокаивал, говорил, что зашьем юбку и завтра снова пойдем на каток. Я успокоился, но такого семейного похода на каток уже никогда не случилось.

С этих пор и до окончания школы каток был для меня главным развлечением в зимнее время и не только для меня, но и для всех жителей нашего городка. Музеев, театров у нас понятно не было, не было и церкви. Кино и каток – вот и все развлечения. Первая серьезная развлекательная техника появилась у нас дома только в 1956 году – радиоприемник «Донец». Громадный ящик с белыми красивыми клавишами для переключения диапазонов волн и зеленым большим глазом. Глаз казался живым, потому, что у него был зрачок. Когда ищешь станцию, он, то сужается, то расширяется. Узкий зрачок указывал на то, что ты попал на волну станции. Слушали мы с отцом по приемнику «новости» и спортивные передачи. Почему-то больше всего любили слушать репортажи о конькобежных соревнованиях с европейскими и мировых первенств. В то время наши конькобежцы были сильнейшими в мире, и мы болели за Шилкова, Гончаренко, Гришина.

Но надо бы вернуться к катку. Ведь он был настолько популярен, что помню, уже оканчивая школу, встречались мы на нем неоднократно вечером всем классом. Мороз препятствием никогда не был. Порой сидишь в комнате стадиона у батареи и подвываешь от боли, так болезненно отходили замерзшие руки и ноги, а катался я до того, что порой замерзали они до бесчувствия. Видно эта закалка в детстве сделала мой организм стойким к холоду. Всю жизнь обходился я без теплой обуви, а по дому до сих пор люблю ходить босиком. Каждое воскресенье днем каток служил развлечением для взрослого населения нашего городка. На нем регулярно проводились игры чемпионата района по хоккею с мячом. Трибун тогда не было, и мужчины стояли, облепив хоккейную площадку со всех сторон и в некоторой степени выполняя функции бортиков.

Первый телевизор появился у нас в 1961 году, а на стене все еще продолжала висеть большущая черная тарелка радио. Как жалко, что не надумал я ее сохранить. Газету с первым полетом Гагарина сохранить догадался, а тарелку нет. Вообще 1961 год очень интересный, и не только тем, что в этом году впервые полетел человек в космос. Об этом все знают, а вот о том, что 1 января в СССР была проведена денежная реформа, многие уже забыли. Однако номинал денег тогда уменьшили в десять раз. Помню, закончились новогодние праздники, приходит отец с работы и дает мне сторублевую купюру, а была она в то время громадной, с привычной для нашего народа панорамой Кремля и портретом Ленина. Так вот, дает мне отец эту купюру и говорит:

– Сходи, Женя, в сберкассу и обменяй ее на новые деньги, и чтобы деньги были, по возможности, разными купюрами, и чтобы была мелочь.

Задание для меня, тринадцатилетнего мальчишки, было очень ответственным. Я положил деньги в карман и уже собрался бежать, а в то время я все делал бегом, но отец меня придержал:

– А знаешь, какой оригинальный год наступил? Вот смотри.

Берет он лист бумаги, пишет «1961», и говорит:

– Переверни лист.

Я перевернул, а год остался тот же – 1961.

Подивившись, побежал выполнять задание...

В это же время, посещая дома своих школьных друзей, я стал обращать внимание на особенности быта в моей семье. Он выгодно отличался аккуратностью и чистотой. Позже понял, что это одно из природных качеств объединяющих моих родителей. На кухне у матери

посуда всегда блестела, а скатерти и занавесочки в квартире были выглаженными и чистыми. Отец требовал, чтобы в доме каждая вещь была на своем месте. Свое место имела моя школьная форма и портфель. Когда я пошел в первый класс отец подарил мне оригинальный подарок, настоящий медвежий коготь, закрепленный на латунной тарелочке. Это оказалась вешалка, на которую я должен был вешать свою школьную форму. Прослужила она мне все школьные годы.

Как, пожалуй, и у всех мое детство было волшебным и удивительным. Это волшебство, в отличие от жизни детей сегодняшних, было связано со свободой. Послевоенные дети росли в условиях реальной свободы – родителям было не до них: напряженная работа, а еще многие в своей личной жизни пытались наверстать то, что было отнято войной. Дети, порой, мешали. Задача в их отношении была максимально упрощена: одеть и накормить.

Так что все развлечения были во дворе. Во дворе, пожалуй, находилась и наша главная школа, учителями в которой были некоторые взрослые и друзья, разнокалиберные по возрасту и интеллекту. Двор каждому из нас компенсировал то, что мы недополучали в семье. Природа, которая окружала со всех сторон наш маленький городок, также играла немаловажную роль в школе жизни для детворы. Одна сторона – это могучая река Нева, а три другие – лес. До каждой из сторон от моего двора порядка километра. Вся эта роскошь была сильно побита войной, но мы, мальчишки, этого не замечали, поскольку такая природа досталась нам при рождении и другой мы не видели.

Оказалось, это богатство служило нам школой жизни значительно более важной, чем та официальная школа, в которую мы все ходили. В советские времена там было слишком много идеологии, находящейся в противоречии с реальной жизнью и дворовая школа в какой-то степени уравнивала этот флюс. Должно быть, дети чувствовали это интуитивно, и все свободное время проводили на улице. И не только свободное. Большинство ребят отдавали приоритет улице в ущерб школьным урокам. Не был исключением из этого большинства и я. Долго не понимал, почему улица была для меня важнее школы, а понял лишь тогда, когда стал совсем зрелым человеком. Улица привлекала не только правдой жизни, которую мы видели во дворах, но и даже реальными опасностями, которые везде подстерегали нас. Тот адреналин, который сейчас так усиленно ищет молодёжь, был всегда рядом – искать его не было необходимости.

Каждый год городок наш платил страшную дань в виде детских жизней и лесу, и Неве. Лес – места боев с обилием в то время боеприпасов. Это был магнит, который притягивал мальчишек. Кому-то нужен был артиллерийский порох и патроны для изготовления и запуска ракет, а кто-то не мог пройти мимо неразорвавшихся снарядов, мин, гранат. К окончанию школы мой класс заплатил дань тремя жизнями. В четвертом классе подорвался, разряжая снаряд, Юра Иванов, и уже после выпускного утонули в Неве Люда Кожухова и Алла Полякова.

Такие случаи на время пугали нас, детей, мы приостанавливались, задумывались, но тут же бежали дальше. Из этих страшных происшествий выводы каждый делал свои. Я тоже сделал, когда проводил Юру. Провожали всем классом. Шли гуськом мимо маленького гроба. Открыта была, только нижняя часть лица Юры, она была абсолютно белой. Верхнюю часть головы снесло взрывом. Рядом на табуретке сидела мама, не отрываясь, смотрела на него и без перерыва шептала загадочную тогда для меня фразу: «Бог дал, Бог взял. Бог дал, Бог взял. Бог дал, Бог взял...». Поскольку эти трагедии сопровождали нас регулярно в течение детства, остались они в памяти просто неприятным фоном.

Врезались в мою память на всю жизнь картинки страшные и тягостные, не воспринимаемые в детстве как трагические, но постепенно по мере взросления превратившиеся в них. Видел я и хорошо помню обилие калек войны. Меня, ребенка, некоторые сцены потрясли так, что стоят как живые в памяти до сих пор. Сколько же было мужчин без рук, без ног – на деревянных подпорках! Но самое страшное – люди-обрубки, совсем без ног, а порой и с изуродованными руками. Передвигались они, отталкиваясь от земли деревянными колотушками

с прибитыми резиновыми полосками, или просто руками, катясь на самодельных деревянных платформочках, углы которых опирались на обычные шариковые подшипники.

Напротив главного продуктового магазина нашего городка продавалось пиво из бочек. Это было место сбора калек войны. Часто со стороны я наблюдал за ними. Казались они мне людьми нездешнего мира. Целый день калеки проводили у этих бочек. Пили, курили и живо общались друг с другом. Порой веселились и даже смеялись, смех был грубым, прокуренным, похожим на кашель. Однажды, откатившись на пару метров от компании на своей платформочке, один из калек обильно стал писать на свои грязные руки. Он старательно мыл их под струей, как под краном, не обращая внимания ни на идущих мимо людей, ни на нас, детей.

Я побаивался их и наблюдал только со стороны. Казалось, что они существуют в другом измерении, в другой жизни, и не очень-то обращают внимание на нас, обычных жителей. Сейчас мне ясно, что совсем не казалось, а действительно все у них осталось в прошлом, и они продолжали жить в том времени. Должно быть, потому, что там они были сильными, здоровыми, полноценными, а в этом времени им, таким, места не было. Власть и общество его не предоставляло.

Как же сегодня отчаянно жалко этих людей! Хочется встать перед ними на колени и попросить прощения. Они защищали нас, нашу страну, отдавая ради победы жизнь, а получилось так, что отдали часть своего тела. Наверное, человек лишенный частей тела, выглядит некрасиво, а может, и уродливо. Но это ли главное в человеке? Однажды они все исчезли, исчезли одномоментно. Честно скажу: я тогда не горевал. Живя своей детской жизнью, быстро забыл, как забывается все неприятное. Но вспомнил, вспомнил и сейчас горюю. Сегодня мне стыдно. Власть коммунистическая их собрала, собрала быстро, безжалостно, по приказу, как бездомных собак, и всех отправила доживать в специальные резервации. И никто, никто не попросил у них прощения, и их почти не вспоминают. Помнят только те, кто встречался с ними, кто видел. Вот и я вспомнил. Вспомнил совсем не случайно. Нужно было прожить достаточно много лет на свете, чтобы и война, и калеки войны, и мое детство, и судьба моих родителей, и время сегодняшнее выстроились в четкую причинно-следственную связь. Наверное, такое происходит не со всеми. Со мной произошло так потому, что родился на месте самых страшных боев в войне, родился там, где противостояние фронтов длилось почти три года. До сих пор из земли, по которой я бегал ребенком, ежегодно тысячами выкапывают останки наших солдат. А может, и потому, что отец мой из концлагеря немецкого попал сюда, на берега Невы, в концлагерь советский, и уже совсем старым признался, что советский был страшнее и он хотел повеситься, спасло чудо.

Приятный фон моего детства, который иногда вспоминается – это поездки в деревню Сологубовку к бабушке и поездки к родственникам в Ленинград.

Сологубовка 50—60-х годов вспоминается в полном соответствии с описанием русской деревни нашими классиками. Надо сказать, что и деревня-то классическая. Центральная дорога, по обеим сторонам которой расположены избы. На задах, вдоль всей деревни, протекает быстрая речка Мга. За рекой высокий холм, на котором расположена красивая, но с разрушенной колокольней, церковь. (Местный колхоз использует ее как склад). Деревня упирается в барскую усадьбу, в которой частично сохранился барский дом в два этажа и парк с вековыми дубами и липами. Судя по возрасту деревьев, парк был посажен лет 150 – 200 назад. За парком – «гульбище». Видимо, там в старину молодежь водила хороводы, жгла костры, веселилась.

От станции Мга до Сологубовки восемь километров. Поезд из Невдубстроа приходил на станцию Мга трижды в сутки. Прямо у поезда собиралась группа, порой человек до двадцати, и шли пешком. Кто-то шел до деревни Пухолово, расположенной как раз на половине пути, а основная масса направлялась в Сологубовку или Лезье. Дорога утомительной не казалась даже в знойное лето, поскольку все друг друга знали и шли с разговорами, шутками и смехом. Как только проходили Пухолово, всегда устраивали небольшой привал. Подходим

к Поклонной горе, с нее открывается прекрасный вид на деревню и церковь. Старые люди ставят на дорогу свои котомки и истово крестятся. Хотя вся моя деревенская родня – старoverы, а церковь православная, но крестятся все. Мы продолжаем путь, спускаясь с очень пологой Поклонной горы в деревню. Идем по дороге между изб, почти у каждой калитки стоит хозяйка и здороваются с нами, здороваются, как говорят деревенские.

Старoverы жестко соблюдали ритуалы, установленные верой. В быту – это культ чистоты, каждый пользуется только своей посудой и своими столовыми приборами, ко всем праздникам генеральная уборка жилища обязательна, курить в доме запрещено и т. п. На православных они смотрели сверху вниз, веру их считали неправильной, а самих православных называли грязнулями. Моя бабушка, Евгения Прокофьевна, была одним из самых главных действующих лиц в группе старoverов. Интересно, что на современном русском языке она не читала вовсе, но бойко читала духовные книги по-старославянски. Службы чаще всего проходили в доме бабушки, поскольку ее дом в деревне был самым большим, и у нее сохранились старинные иконы, одна икона, помню, темная в большом серебряном литом окладе, должно быть очень старая. В 90-е годы в дом забрались воры и все иконы унесли.

Насилия, по поводу веры, бабушка никогда не чинила. Однако я из любопытства с ранних лет довольно часто присутствовал на службах. Поражали книги, которые читали во время службы, да то, пожалуй, и не книги, а фолианты какие-то, только толщина сантиметров пятнадцать. Текст написан вручную, красивыми буквами, по-старославянски. Книги откуда-то каждый раз приносили, а сразу после окончания молитв уносили.

Деревенский быт 50-х годов мало, чем отличался от дореволюционного. Интересно, но через бабушку и ее товарок мне удалось почувствовать то, дореволюционное, время. Помощниками здесь были их вера (старообрядчество) и их пол. И то и другое – консервативные начала. Не случайно от них я никогда не слышал слова Ленинград, а только Питер.

Идиллия дня в деревне. Сплю на русской печи (летом любимое место сна – сеновал на чердаке). Первое пробуждение от крика петухов, следующее – уже от шума самовара. Самовар, конечно же, на углях, и поставить его целый ритуал. Для меня бабушка варит на завтрак яичко. Варит забавно: моет его, заворачивает в марлю, опускает в кипящий самовар и прижимает крышкой. В это время на чай приходит соседка. Чай в деревне не завтрак, не потребление пищи – это важное культурное мероприятие.

Чинно подружки садятся за стол, на котором уже пытит самовар, наливают чай, и начинается неспешный разговор. Чай пьют очень горячий из блюда и вприкуску с самыми дешевыми конфетами под названием подушечки. Разговор начинается, как правило, с хозяйства. Обсуждается, как несутся куры и как петух с ними управляется, каковы у него отношения с петухом соседки. Тут же затрагивается жизнь и взаимоотношения других важных животных, например котов. Неспешный разговор плавно переходит на детей, внуков, соседей. Особое место занимает больная тема – пьянство и непутевость мужиков. Иногда, в случае, когда кто-то проходит по дороге мимо окон, беседа переключается на некоторое время на проходящего, а потом снова возвращается в свое русло. Заканчивается чаепитие обычно разговорами о богомолье и о чудесах.

День в детстве длинный, и успеваю я за день и за грибами, и на рыбалку, и в церковь. Ложусь спать, в комнате темно, горит только лампадка у иконостаса. Там же, у иконостаса, бабушка с табуреточкой для поклонов, в руках лестовка. Засыпаю под бесконечную молитву:

– Господи, помилуй... Господи, помилуй... Господи, поми....

В Сологубовке штук пять больших домов в два этажа, первый этаж из бутовой плиты, а второй из бревна. Все дома построены до революции. При советской власти ни одного частного строения хотя бы близкого по размерам к этим домам не появилось. Все только разваливалось и постепенно приходило в негодность.

В деревне все на виду и цена каждого всем известна, а ценились у мужиков умение и трудолюбие. Умелый да трудолюбивый, да из путевой семьи имел возможность взять хорошую невесту, построить большой дом и наплодить детей. Бабушкины семь детей имели семьи, все упорно трудились в разных областях народного хозяйства, но никто из них при советской власти не смог построить двухэтажного дома и вырастить больше двух детей.

Советская власть разрушила здоровый деревенский уклад жизни, сложившийся за столетия, она перевернула все с ног на голову. Пропало понятие «непутевый». Природно-непутевые с руками и головой набекрень, были поставлены у власти, а путевые названы кулаками и ограблены. Самое главное и ценимое мерило правильности жизни – жить по совести, а значит, по заветам Христа, властью было высмеяно и уничтожено.

Результат – разруха и доблестное пьянство мужчин на деревне. В Сологубовке даже мощное противодействие пьянству староверами не затормозило процесс. Вера, аскетизм и консерватизм староверов были в сильном противоречии с идеологией существующей власти. Власть победила, и службы староверов в деревне где-то к 1980 году прекратились. Победила ловким приемом, оторвав от корней и переманив в свои ряды морально нестойкое молодое поколение.

Поездки в Ленинград я очень любил и ждал их всегда с нетерпением. В гости мы ездили к родным маминым сестрам. Это были очень оригинальные женщины, понял и оценил это я став совсем взрослым. Будучи малограмотными и не обремененными интеллектом, все они были достаточно культурными людьми. Да! Проживание в культурной столице России творит с человеком чудеса.

Елена Кузьминична жила на Перекупном, рядом со Старо-Невским проспектом, а Зинаида Кузьминична на Каменноостровском проспекте (в то время Кировском). Понятно, что обе жили, как и большинство ленинградцев в то время, в громадных коммунальных квартирах. В зимние праздники моя многочисленная родня чаще всего собиралась на Каменноостровском. Комната тети Зины была самой большой, с камином, высокими потолками и лепниной. Мне почему-то там больше всего нравился старинный паркет, и особенно его скрип, который казался сладчайшей музыкой. Лежу в кровати, слушаю скрип паркета в квартире и, наверное, засыпаю с улыбкой, ведь меня распирает от счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.